

НАРОДЫ СССР

Х. Есбергенов, Т. Атамуратов. Традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Нукус, 1975, 211 стр.

Исследование современных социальных и культурно-бытовых процессов у народов СССР — актуальная задача, стоящая перед советской этнографической наукой. Формирование новой безрелигиозной обрядности — один из таких процессов. Развивается он неоднозначно и идет в различных направлениях. Одно из них — трансформация традиционной обрядности под воздействием социальных перемен в нашей стране, повлекших за собой изменения в быту, культуре, сознании людей.

Представляется, что название книги значительно шире ее содержания, поскольку в ней речь идет в основном о преобразовании семейной обрядности каракалпаков-горожан. Следует сказать, что это очень существенный аспект проблемы в целом, поскольку в процессе преобразования происходит отбор элементов традиционной обрядности, которые затем сохраняются в формирующемся новом обряде.

Обрядность — одна из генеральных тем этнографических исследований. Советскими этнографами в той или иной степени зафиксировано состояние традиционных ее форм, появление новых черт в обрядовой жизни на каждом историческом этапе развития советского общества. В настоящее время появилась возможность анализа и обобщения накопленного материала, в частности выявления особенностей развития обрядности в годы Советской власти. Эта тема разрабатывалась в ряде монографий по отдельным народам¹. Положено начало и более широкому, в рамках всего государства, обобщению характерных явлений развития обрядности в советский период².

В исследовании современных семейно-бытовых процессов, в том числе и развития обрядности, этнографическое наблюдение сочетается с методом количественного анализа, которым все шире пользуются этнографы.

Книга каракалпакских ученых существенно дополняет серию этнографических работ, посвященных проблеме традиций и инноваций в сфере семейно-бытовой обрядности народов Средней Азии и Казахстана. В ней нашли отражение некоторые результаты этносоциологического исследования, проведенного в городах Каракалпакии в рамках поставленной темы.

Основное внимание в книге обращено на традиционную обрядность. Рассматриваются не только пути изменения традиционных обычаев и обрядов в наше время, но и предпринимается попытка установить исторические корни многих из них, объяснить их социальную и религиозную сущность. Это имеет большое значение для развития научных знаний и в то же время помогает организации атеистического воспитания масс.

Традиционные, а в известной мере и новые обычаи и обряды семейного цикла каракалпаков уже описывались и были предметом историко-этнографического анализа³.

В рецензируемой книге традиционная обрядность начала XX в. в сравнении с ранее опубликованными данными представлена в наиболее полном варианте. Работу

¹ Прогрессивные народные традиции и новая обрядность исследовались философами и социологами, также создавшими к настоящему времени ряд монографических работ как по отдельным народам СССР, так и общего характера.

² «Современные этнические процессы в СССР». М., 1975, гл. IX.

³ Н. А. Кисляков. Очерки по истории семьи и брака у народов Средней Азии и Казахстана. Л., 1969, с. 121 сл.; Х. Е. Есбергенов. К вопросу о борьбе с пережитками устаревших обычаев и обрядов (каракалпакские поминки «ас»). — «Сов. этнография», 1963; № 5; *его же*. Каракалпакдын гейпара дәстурлери хакында. Нокис, 1964; А. Т. Бекмуратова. Быт и семья каракалпаков в прошлом и настоящем. Нукус, 1970.

Х. Есбергенова и Т. Атамуратова можно считать первым сводом традиционных обычаев и обрядов семейного цикла каракалпаков. С некоторыми из них читатель ранее совсем не был знаком; это, например, церемония по поводу первого приезда жениха к невесте в предсвадебный период — *есик ашар* (букв. «открытие двери»). Большой интерес представляют никогда прежде не публиковавшиеся сведения о женской демонологии, представления о детских болезнях, способах их лечения и др.

Благодаря рецензируемому исследованию найдено первоначальное место ряда обрядов в цепи различных церемоний свадебного цикла. Например, обряд поливания сватов водой — *су куяр каде* и система выкупов при свидании жениха с невестой в прежних описаниях комплекса свадебных обычаев и обрядов включались в церемониал собственно свадьбы⁴. В рецензируемой работе первый обряд входит в церемонию сватовства, а второй связывается с церемонией *есик ашар*. Правильность такого размещения указанных обрядов подтверждается аналогиями из свадебной обрядности родственных каракалпакам народов — казахов и киргизов⁵, относящейся к XIX в.

В книге Х. Есбергенова и Т. Атамуратова впервые подробно описаны изменения в семейно-брачных отношениях и семейной обрядности за годы социалистических преобразований в нашей стране. Авторы на конкретном материале показывают, что левиратные и сороратные браки ушли из быта; начиная с конца XIX в. сужается круг экзогамных запретов; отмирает роль *женге* — посредницы между молодыми людьми мужского и женского пола; изживаются многие магические приемы, изменяется состав сватов, само содержание сватовства, исчезает калым и т. д.

Многое переменялось и в детской обрядности, забыт целый ряд магических приемов «лечения» детских болезней, бесплодия и др. Исчезли обычаи оставлять детей чумазами из-за боязни «сглаза» (грязный ребенок якобы не привлечет внимания людей с «дурным глазом» и вообще злых сил), носить амулеты и т. д.

Пополнение наших знаний о семейно-бытовых традициях новыми полевыми и архивными материалами, данными фольклора имеет большое научное значение, так как в предшествующей этнографической литературе сведений по этой теме было сравнительно немного.

Несмотря на общее благоприятное впечатление о книге, нельзя не отметить, что на некоторые вопросы авторы не ответили; нельзя согласиться и с интерпретацией некоторых фактов.

Для сбора материалов по семейной обрядности были выбраны города Нукус, Чимбай и Бируни, поскольку они отражают типические черты городов Каракалпакии и отличаются друг от друга этнической, социально-экономической, географической и исторической характеристиками. Если бы результаты исследования были изложены по каждому городу отдельно, читатель получил бы возможность уяснить себе, как влияют различные характеристики городов на семейно-бытовые традиции каракалпацкого населения. Да и сами авторы отметили, что сопоставление степени устойчивости традиционных черт быта в селе и городах различного типа представляет большой интерес (стр. 40). Между тем в книге материал дается суммарно, лишь иногда указываются некоторые особенности в традиционной семейной обрядности г. Бируни, что совершенно справедливо объясняется влиянием интонациональной (узбекской) среды. Приведенные данные позволяют говорить о том, что в исследуемых городах, по-видимому, нет существенной разницы в обрядности, это свидетельствует об устойчивости народных традиций каракалпаков. Однако своего отношения к этому факту авторы никак не сформулировали. Хотелось, хотя бы в общих чертах, получить ответ на вопрос и о том, есть ли разница между семейной обрядностью горожан и сельчан.

Не всегда можно согласиться с интерпретацией тех или иных явлений обрядовой жизни. Например, авторы книги считают, что преграды на пути жениха к дому невесты во время церемонии *есик ашар* якобы устраиваются ее родственниками с целью обмануть недобрые силы и оградить жениха от их действия. Взаимоотношения между сторонами жениха и невесты на этом этапе свадебных церемоний до сих пор не исследованы; однако нам думается, что эти преграды можно объяснить требованием выкупа, который должен платить жених за то, что ему, представителю другого рода, дается возможность видеть невесту, разговаривать с ней и т. д.

Требует более глубокого анализа и обряд поливания сватов водой, связанный, видимо, и с древними религиозными культами, и с обычаями архаической социальной организации. Думается, что нельзя сводить многие моменты свадебной обрядности, где фигурирует какое-нибудь животное, обязательно к тотемизму, а отдельные элементы — к культу животного. Таким образом получается, что у каракалпаков был культ собаки, верблюда, козла, лошади и т. д. Подобные утверждения требуют доказательств.

⁴ А. Бекмуратова. Указ. раб., с. 72. Описание свадебного церемониала в работе А. Бекмуратовой отражает более поздний этап в развитии обряда, когда наблюдается перемещение древних обрядовых элементов на заключительные этапы свадьбы.

⁵ См. Х. Аргинбаев. Свадьба и свадебные обряды у казахов в прошлом и настоящем. — «Сов. этнография», 1974, № 6, с. 71; Н. П. Лобачева. Различные обрядовые комплексы в свадебном церемониале народов Средней Азии и Казахстана. — В сб.: «Домусульманские верования и обряды в Средней Азии». М., 1975, с. 303, 309.

Привлекая сравнительный материал по обрядам других народов Среднеазиатско-Казахстанского региона, авторы устанавливают их общность с обычаями и обрядами каракалпаков. Часто пример приводится лишь по одному народу, тем не менее в заключение всегда приводится стереотипная фраза: «как и у других (или у многих) народов Средней Азии и Казахстана». Такой недифференцированный подход при установлении той или иной общности, как нам представляется, неправомерен. У каракалпаков существует этническая специфика, которая, сближая их с одной группой среднеазиатских народов, отделяет от другой. Так, например, известный каракалпам церемониал первой досвадебной встречи жениха и невесты не характерен для таджиков; не зафиксирован у таджиков и обычай «изводить» сватов со стороны жениха женщинами-родственницами невесты и т. д. (перечень подобных примеров можно значительно увеличить). В то же время почти все отмеченные обычаи и церемонии ученые-этнографы встречают у казахов и у киргизов. Поэтому для того, чтобы установить этническое или иное сходство каракалпаков с тем или другим народом и просто не впасть в ошибку, следует указывать, с каким именно народом устанавливается та или иная общность.

Полных описаний новых обрядов в книге фактически нет. Они приведены в обобщенной форме. Однако авторы дают много рекомендаций относительно новых обрядов. Приведены таблицы с результатами этносоциологических исследований, в которых зафиксировано отношение населения к различным вариантам обрядов. Так, например, большая часть опрошенных (56,5% мужчин и 51,5% женщин) высказались за «свадьбу по современному национальному обряду с некоторыми элементами традиционного обряда» (стр. 101). Вводя этот термин в таблицы, авторы не обосновывают его правомерность, не раскрывают его конкретного содержания, не приводят подробного описания такой свадьбы. Этот вопрос мне представляется очень важным, поэтому остановлюсь на нем подробнее.

Процесс формирования новой семейной обрядности любого народа СССР складывается из двух важнейших взаимодействующих моментов. Первый — это преобразование старой традиционной обрядности, т. е. постепенное исчезновение элементов, связанных с религией, и вредных социально-бытовых пережитков, пересмысление многих старых обрядовых действий и, наконец, постепенная утрата многих элементов традиционной обрядности. Второй момент — возникновение и постепенное, но со временем все более быстрое включение в преобразующийся обряд обычаев новой социалистической эпохи, носящих интернациональный характер и отражающих новое мировоззрение, новые формы выражения идей, новые символы. В процессе взаимодействия этих двух моментов, идущего в направлении уменьшения традиционных и увеличения интернациональных черт, и формируется новый обряд — гармоническое соединение прогрессивных элементов трансформированной традиционной обрядности с новыми элементами, возникшими в ходе социалистического строительства. Элементы традиционной обрядности характеризуют национальную форму нового обряда. Она может проявляться даже в официальном ритуале гражданской регистрации брака или новорожденного, тем более в комплексе свадебных, родильных и т. д. обрядов. В условиях многонационального советского государства, когда каждый народ сохраняет национальную специфику в формах культуры в целом, она, естественно, проявляется и в обрядности как составной части культуры.

Однако количественное соотношение преобразованных традиционных и новых элементов в создающихся вновь обрядах у разных народов и даже у различных социальных групп одного народа (например, сельского и городского населения) неодинаково.

В промышленно развитых районах (например, в Центральной России) еще в дореволюционный период некоторые традиционные черты культуры и, в частности, некоторые обряды исчезали. В советское время в этих областях (особенно в городах) в первую очередь начали формироваться новые черты интернациональной социалистической культуры. Естественно, что и в создающихся новых обрядах и праздниках здесь также преобладали новые черты. В регионах, где традиционная культура, в том числе обрядность, сохранялась дольше, в новых обрядах, как и в других областях материальной и духовной культуры, наблюдалось больше традиционных элементов, особенно в сельской среде. К таким регионам, в частности, относится Среднеазиатско-Казахстанский, народы которого вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции жили в основном в условиях патриархально-феодального строя, способствовавшего консервации старинных форм культуры и быта. В годы же Советской власти они переживали бурный период национальной консолидации. У них на новой социальной основе складывалась социалистическая культура в своем национальном варианте⁶, впитавшая прогрессивные элементы традиционной народной культуры. Как и в других регионах, здесь шел и процесс формирования новой семейной обрядности, который продолжается по сей день. Более медленное течение этого процесса по сравнению с процессами формирования новых черт в других областях культуры и быта объясняется консервативностью института обрядности в целом, связанного с интимными сторонами жизни семьи и человека.

В Среднеазиатско-Казахстанском регионе существуют обряды, которые утратили связь с религией, изжили несовместимые с советскими правовыми и нравственными уста-

⁶ «Современные этнические процессы в СССР», гл. VII—IX, XI, Заключение.

новками обычаи (типа калыма и др.), но, включив ряд новых общесоветских черт (например, гражданский ритуал бракосочетания), сохранили некоторые моменты традиционной обрядности в порядке следования церемоний, символике, художественно развлекательной части⁷ и т. д. Такого рода новообразования, как мне представляется, и есть формирующиеся новые обряды в национальном варианте. Важно здесь то, что они качественно другие в сравнении с традиционными обрядами, поскольку строятся уже на иной идеологической основе.

Процесс формирования новой семейной обрядности в ее национальных вариантах с тенденцией к дальнейшей унификации национальных черт в пределах одного народа и поступательным насыщением общесоветскими интернациональными чертами в Среднеазиатско-Казахстанском регионе еще не завершился. Об этом свидетельствует неустойчивость нового ритуала свадоб и других семейных праздников (большее или меньшее сохранение традиционных черт, отличия в разных районах и т. п.) и многообразие форм обрядов, выполняемых населением в связи с одним и тем же событием в жизни человека, например, вступлением в брак (свадьба в старых традициях, переходные формы свадьбы, начиная с так называемой «двойной», когда бывает два торжества — в традиционном и новом стиле, следующие друг за другом; вариации новой, в национальном стиле, свадьбы; комсомольские свадьбы во Дворцах культуры, Домах счастья, студенческие свадьбы).

Таким образом, термин «свадьба по современному национальному обряду с некоторыми элементами традиционного обряда», которым пользовались авторы книги во время этносоциологического анкетирования, в целом правомочен. Правда, добавление «с некоторыми элементами традиционного обряда» тавтологично, так как слова «современный национальный обряд» уже указывают на его специфику.

Один из авторов книги — Г. Ж. Атамуратов — в своей дальнейшей работе над темой семейной обрядности каракалпаков безрелигиозные свадьбы, сочетающие новый ритуал с некоторыми элементами традиционного, как и другие семейные обряды такого типа, называет термином «полутрадиционные» (и в то же время «по современному национальному обряду»), разумея при этом вторую переходную форму к новой⁸ (первая переходная компромиссная — палиативная форма, когда соблюдают параллельно свадьбу в старых и новых традициях⁹).

Мне представляется, что те обряды, которые сохраняют традиционные элементы, однако утрачивают вредные социально-бытовые пережитки, следует называть формирующимися новыми национальными обрядами. Их основу составляет общесоветский ритуал. Критерием в определении нового обряда, как мне кажется, должна быть степень изживания вредных пережитков прошлого, а не вообще традиционных черт, которые в преобразованном виде в значительной мере выражают национальную форму явления. Национальная же форма в новой обрядности так же естественна¹⁰, как социалистическое интернациональное содержание, характеризующее советскую культуру в целом и каждого народа в отдельности; национальные по форме обряды сохраняются до тех пор, пока существуют советские социалистические нации. Конечно, замещение преобразованных традиционных черт (там, где их еще много) новыми будет происходить и дальше, но это не может служить основанием к тому, чтобы обряды, в которых имеется ряд черт традиционной обрядности, не называть новыми советскими обрядами. Главное, мне кажется, заключается в общей идеологической основе обряда.

Параллельно этому будет идти процесс унификации национальных черт обряда, выработки взамен локальных вариантов более или менее единых общенациональных характеристик его в пределах одного народа. Это составит следующий этап в развитии нового национального обряда.

Что касается переходных форм к новым обрядам, они, разумеется, есть. Например, свадьбы с трансформированными формами калыма в виде дорогостоящих подарков, которые идут на устройство хозяйства молодой семьи (однако эти подарки являются условием брака), с религиозным обрядом бракосочетания, вопреки традиции отделенным от самого церемониала свадьбы, и т. д. Между тем по внешним признакам такие свадьбы

⁷ См. Х. А. Аргынбаев. Семья и брак у казахов. Алма-Ата, 1973 (на казах. яз.); *его же*. Семья и брак у казахов. Автореф. докт. дис. Алма-Ата, 1975, с. 117 сл.; Н. П. Лобачева. Формирование новой обрядности узбеков. М., 1975, с. 49 сл.; Т. Ташбаева. Традиционные компоненты в современной узбекской свадьбе. — «Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974/1975 гг.». Душанбе, 1976, с. 122, 123.

⁸ Т. Ж. Атамуратов. Народные традиции и их преобразование в городском быту каракалпаков. Автореф. канд. дис. М., 1976, с. 14, 15; *его же*. Формирование новой семейной обрядности горожан Каракалпакии. — «Тезисы докладов на сессии, посвященной итогам полевых этнографических и антропологических исследований в 1974/1975 гг.», с. 53, 54.

⁹ Я. С. Смирнова. Традиции и инновации в развитии семейной обрядности (по материалам Северного Кавказа). — «Доклад на IX Международном конгрессе антропологических и этнографических наук» (Чикаго, 1973). М., 1973.

¹⁰ См. Д. М. Уринович. Обряды. За и против. М., 1975, с. 158.

кажутся новыми, так как включают и новый обряд бракосочетания, и торжественное застолье на городской манер. Все это говорит о том, что необходим дифференцированный подход к оценке обряда.

Мы считаем возможным говорить о национальных формах в области материальной культуры. Например, о новом общенациональном костюме¹¹, в основу которого легиной покрой (так называемый «туникообразный» во многих элементах костюма заменен выкройным), но сохранился традиционный колорит в расцветке тканей, отделке и т. д. С таким же правом эту терминологию можно распространить и на область духовной культуры, тем более что этот термин отражает объективную картину явлений.

Мне кажется, что критика авторами молодежных (комсомольских) свадеб, описанных, в частности, в работе А. Бекмуратовой, не вполне уместна. Такая форма свадьбы встречается в быту каракалпакского городского населения, за нее высказалось 30 с лишним процентов из числа опрошенных (стр. 101). Одна из особенностей нашей действительности заключается в том, что человек может предпочесть ту форму обряда, которая ему больше импонирует, может даже вообще не соблюдать никакого обряда. Критике в отмеченном случае подлежит не сам обряд или семейный праздник, а руководители, превращающие свадьбу в общественное мероприятие, на которое, кстати, затрачиваются немалые общественные средства. Особенно приходится возражать против тех случаев, когда комсомольские свадьбы проводятся среди семей, недостаточно подготовленных психологически к таким новшествам. В этих семьях следом за новой свадьбой справляется вторая в рамках народных традиций, что приводит к излишним расходам.

Представляется также, что авторы слишком увлекаются в своих обобщениях, когда пишут о глубоко зашедших изменениях быта, массовом отходе от религии в 30-е годы (гл. I). Обычно в дальнейшем они сами приводят факты, опровергающие такие заключения. Отмеченная непоследовательность встречается, например, при описании «октябрин» (на стр. 146 говорится об их широком распространении, а на стр. 148 утверждается, что они даже в городе не имели массового характера).

Не всегда удачна форма изложения материала. Описание традиционных обрядов авторы тут же перемежают рассуждениями на современные темы, прерывая таким образом логическую связь между излагаемыми фактами.

Приходится сделать упрек авторам и издательству в небрежности при подготовке текста к печати; не всегда удачна редакция, встречается много опечаток, нет оглавления. Все это затрудняет пользование книгой.

В целом же новая книга каракалпакских ученых — значительный вклад в историю и этнографию каракалпакского народа, в разработку мало исследованной еще проблемы традиций и инноваций в семейном быту, дающая в совокупности с недавно вышедшими трудами по другим народам Среднеазиатско-Казахстанского региона материал для широких обобщений как по исторической, так и по современной этнографии.

Н. П. Лобачева

¹¹ «Современные этнические процессы в СССР», с. 213 сл.

В. А. Александров. Сельская община в России (XVII — начало XIX в.). М., 1976, 322 стр.

Выход в свет монографии В. А. Александрова, посвященной крестьянской общине Европейской России в XVII — начале XIX в., можно считать одним из самых примечательных явлений в советской историографии последних лет. До сих пор советская историческая наука не имела столь всеобъемлющих и проблемно поставленных специальных монографических исследований на эту тему. Отрадно, что традиции, заложенные Б. Д. Грековым в изучении русской общины, продолжают развиваться и приумножаться.

Рецензируемая книга — результат большого труда, многолетних и скрупулезных изысканий автора в архивах. Им обнаружены и внимательно проанализированы многочисленные и разнообразные материалы вотчинного и общинного делопроизводства, в том числе до 50 помещичьих инструкций по управлению имениями и не менее 500 мирских приговоров разных общин. Не обошел своим вниманием В. А. Александров и фольклор.

И сам предмет изучения, и эпоха, к которой этот предмет относится, чрезвычайно интересны в силу своего переходного состояния и характера. Община выступала как сословная организация крестьянства; взаимоотношения ее с феодальным государством и господствующим дворянством в период наивысшего развития крепостничества, а затем в период разложения феодальной формации — тема актуальная, имеющая не только научное, но и политическое значение. Не вызывает сомнений то, что перемены в социальной организации русской деревни в условиях складывания буржуазного уклада без решения вопросов, связанных с эволюцией общины, понять нельзя.